

ПРИЗЫВ

ЗАЯВЛЕНИЕ I

Для триумфа цивилизации есть все условия.

И политический террор и жестокая бедность.

И универсальная стерильность.

Пустыня уже больше не распространяется. Она повсеместна.

Но она всё ещё может углубляться.

С доказательствами катастрофы соприкоснулись те кто возмущён, те кто замечает, те кто осуждает и те кто организуется.

Мы среди тех кто организуется.

ОБЪЯСНЕНИЕ

Это призыв. Он нацелен на тех кто способен услышать. Речь идёт не о том чтобы что-то продемонстрировать, чтобы спорить или убеждать. Мы берёмся за очевидное. Очевидное не связано с логикой или доказательствами.

Оно связывается с сознательным, с *мирами*.

Для каждого мира есть что-то очевидное.

Очевидное - это то что объединяет

или то что разделяет.

Это то что делает общение опять возможным.

Это то после чего общение больше не является предначертанным.

Общение надо создавать.

И эту сеть очевидностей что формирует нас, мы научены игнорировать, скрывать, держать при себе. Мы настолько хорошо обучены, что когда хотим кричать мы не можем найти слова.

И относительно властвующего порядка, каждый знает из чего он состоит:

у умирающей социальной системы, в её произвольной природе, нет другого обоснования кроме предначертанной абсурдной предопределённости, старческой предопределённости - просто выдержать;

у полиции (и глобальной и национальной) есть все возможности избавиться от тех

кто не хочет вставать в строй;

цивилизация, раненная в само сердце, не стремится ни к чему иному как к своим границам посредством нескончаемой войны, которую сама и начала;

война которая длится вот уже больше века и не несёт ничего кроме повторяющихся бедствий;

людские массы сживаются с этим порядком только благодаря лжи, цинизму, брутальности и медикаментам;

- все могут только притворяться что игнорируют эти вещи.

И непрерывные попытки описать это бедствие, по разному стараясь угодить ему, являются только ещё одним способом сказать: "так уж оно есть". И награду за мерзость получают журналисты и все те кто каждое утро заново притворяется что открыл этот пиздец, хоть и знал о нём и вчера и позавчера.

Но больше всего шокирует отнюдь не высокомерие империи - больше всего шокирует слабость контр-атаки. Словно величественный паралич. Массовый паралич. Массы, которые иногда говорят что там уже ничего не возможно сделать, а когда доведены до предела, уступая скажут что там слишком много что делать.

И это значит говорить одно и то же.

И на границах этого паралича слышен активистский "надо что-то - что угодно - делать!"

Сиэтл, Прага, Генуя, борьба против генетической модификации, движение безработных - мы играли роль во всех этих битвах; мы занимали позиции - и это не были позиции корпораций и правительств.

Фольклор протестов нас больше не развлекает.

В течении последнего десятилетия мы слышали монотонный монолог марксизма-ленинизма во всё более юношеских голосах. Мы видели как чистейший анархизм отвергает *также* то что не способен понять.

Мы видели как нудная экономность становится новой религией. Мы видели *Негрим* который навязывает себя как единственный альтернативный путь для левого движения.

Воинственный левацкий активизм вернулся чтобы строить свои шаткие конструкции, угнетающие, угнетающие до тошноты альянсы.

Хватило каких-нибудь трёх лет чтобы менты, профсоюзы и другие формальные и не формальные бюрократии смогли разрушить "антиглобалистское движение". Взять его под контроль. Разделить на отдельные секторы, которые настолько же стерильны насколько и прибыльны.

В эти дни капитализм и антикапитализм описывает один и тот же недостающий горизонт, одну и ту же неловкую попытку управлять бедствием.

То что в конце концов сопротивляется опустошению является просто-напросто другим опустошением, может только не столь прибыльным.

Идиотская идея о счастье везде одна и та же. Те же самые, страхом парализованные игры. Та же самая небрежность разоружения. Та же самая эмоциональная безграмотность. Та же самая пустыня.

Мы говорим что наши времена - это пустыня и что эта пустыня безостановочно углубляется. Это не поэтическая метафора - это очевидно. Очевидное, останавливающее многих других. Особенно очевиден разрыв со всем что сопротивляется, всем что раскрывает и всем что ещё блестит сквозь бедствие.

Те кто раскрывают освобождают себя.

Всё выглядит так как будто левые накаплиют причины для революции таким же образом как бизнесмен накапливает средства доминирования. Можно сказать с *тем же наслаждением*.

Пустыня - это прогрессирующее забрашивание миров; это привычка жить так *как будто* мы не были бы из этого мира. Пустыня присутствует в последовательной, массовой и запрограммированной пролетаризации населения. Также как это присутствует в разрастающихся пригородах Флориды, где бедствие и разруха скрываются как раз в том что *якобы* никто этого не чувствует.

То что современная пустыня остаётся незамеченной делает её более суровой.

Некоторые пытались дать имя этой пустыне. Чтобы обозначить то против чего бороться не в образе чуждого врага, а в сумме наших отношений. Они говорили о спектакле, биовласти и империи. Но всё это только добавилось ко всеобщей запутанности.

Спектаклем обозначают не только СМИ. Скорее он указывает на ту жестокость с которой полностью всё отбрасывает нас назад к нашему образу/image.

Биовласть - это не синоним социальной безопасности, государству благосостояния или фармацевтической индустрии. Эта скорее застревание в самолюбовании и заботе о своём теле - очередное физическое отчуждению от себя и других.

Империя - это не внеземная сущность или конспирация всемирных корпораций, правительств, финансовых сетей и технократов.

Империя везде - *ничего не происходит*.

Везде *всё работает*. Везде преобладает *нормальная ситуация*.

Усматривая врага в субъекте который противостоит нам, а не чувствуя его как отношения которые *нас сдерживают* - мы заключаем себя в борьбе против заключения. Мы воспроизводим себя из-за оправдания "альтернативы" - самой страшной из всех властвующих отношений. Мы начинаем торговать как товар любую борьбу против товара. Так мы получаем авторитетов антиавторитарной борьбы, шовинистический феминизм и антифашистское линчевание.

Каждый момент мы принимаем участие в ситуации.

В ситуации нет субъектов или объектов: я, другие, мои желания и реальность; есть только сумма отношений, сумма потоков пересекающие её.

Есть общий контекст - капитализм, цивилизация, империя, называй как хочешь, который не только старается контролировать любую ситуацию, но что хуже старается чтобы вообще никакой *ситуации не было*. Улицы и дома, язык и аффекты, также и темп мирового масштаба, который даёт этому всему ход. Всё приспособлено *только для этой цели*. Миры приспособлены к тому чтобы проскальзывать мимо друг друга.

“Нормальная ситуация” - это отсутствие ситуации.

Организовываться значит начать с ситуации, а не отвергать её. Занять *в ней*

позицию. Переплести необходимые материальные, аффективные и политические солидарности. Это то что делает стачка на любом заводе, в любом офисе. Это то что делает любая банда. Любая революционная или контрреволюционная партия. Организовываться значит создать содержимое ситуации. Сделать её реальной, физически ощутимой.

Реальность не является капиталистической.

Позиция в ситуации предрасполагает к нужде создавать альянсы и для этого надо создать линии общения, изменить оборот. В свою очередь эти новые связи и являются тем что изменяет ситуацию.

Ситуацию в которой мы сейчас находимся, мы называем "всемирной гражданской войной". И больше нет ничего что может ограничить конфронтацию между противодействующими силами. Даже и закон который принимает участие как ещё одна форма обобщённой конфронтации.

"Мы", которые здесь говорят - это не какое-то изолированное "мы" отдельно взятой группы. Это "мы" *позиции*. В наши времена позиция выражается в двойном отлучении: в первую очередь - отлучение от привычных реакций и привычных стимулов; во-вторых - отлучение от всей этой стерильности к которой обрекает просто *оппозиция* империи (не важно парламентарская или нет); таким образом это и отлучение от левых. "Отлучение" не значит отказ от общения, а скорее склонность к настолько интенсивным формам общения, что практикуя их, отнимается большая часть сил у противника.

В каком-то ключе эта позиция перекликается с извергающей силой Чёрных Пантер и коллективными кухнями немецких автономов, с домами на деревьях и искусством саботажа английских неолудитов и внимательным выбором слов радикальных феминисток, с массовым отказом от своего статуса итальянских автономистов и вооружённой радостью Движения 2 Июня.

С этого момента любая дружба - политическая.

ЗАЯВЛЕНИЕ II

Неограниченное усиление контроля является безнадёжным ответом на предполагаемый крах системы. Ничего, что выражено в рамках распознаваемых политических идентичностей, не может переступить катастрофу.

Поэтому мы начинаем с выхода из них.

Мы не состязаемся, мы ничего не просим.

Мы создаём себя как *силу*, как *материальную* силу, *автономную* физическую силу в ситуации мировой гражданской войной.

Этот призыв зарисовывает обстоятельства.

ОБЪЯСНЕНИЕ

Новое оружие по разгону демонстраций - своеобразная деревянная граната испытывается в реальности. В то же время в Орегоне за блокировку дорожного движения демонстрантам грозит 25 лет тюремного заключения. В сфере городского подавления израильская армия становится излюбленным консультантом. Эксперты со всего мира дивятся самым изысканным открытиям в сфере антисубверсивных технологий. Кажется способность ранить, ранить одного чтобы запугать сотни достигла небывалых вершин. Ну и конечно ещё этот "терроризм". Говоря словами европейской комиссии: "Любое осознанное индивидуальное или групповое деяние против одного или нескольких государств, их институций или населения, а также попытки угрожать им и попытки подорвать или уничтожить их политические, экономические структуры." В США больше заключённых нежели фермеров.

Перепланированное и подчинённое контролю пространство покрывается камерами. Наблюдение не только возможно, но и *приемлемо*. Всевозможные списки подозреваемых мотаются из одного департамента в другой и мы только приблизительно можем представить их предназначение. Социальное пространство которое когда-то наполняли соседи сейчас по военному размечено и разделено; те разговоры и сплетни что когда-то объединяли превратились в шепот стукачей, составной новых микролегальных ограничений. В Великобритании закон об антисоциальном поведении превратил соседские ссоры в декреты об индивидуальном выдворении с конкретных кварталов и запреты носить одежду с капюшонами. В это время столичная полиция вместе со спецназом ведёт

антитеррористическую компанию, устраивая "случайные" обстрелы в центре города. Бывший руководитель ЦРУ (одни из тех кто организуется на *противоположной стороне*) пишет в республиканской газете: "Важнее войны против терроризма является распространение демократии в те части мира (арабские и мусульманские) которые угрожают либеральной цивилизации. Той, которую мы создавали во время первой мировой войны, затем второй и третьей или холодной. Работа всего двадцатого века."

Ничего из этого нас не шокирует; ничего из этого не может нас застичь врасплох; ничего из этого не может изменить наше отношение к жизни. Мы уже родились внутри катастрофы, у нас выработалось странное и привычно спокойное отношение.

Почти интимно. Сколько мы себя помним, мы не получали других известий кроме как о мировой гражданской войне.

Нас воспитали как выживателей, как *машины выживания*. Мы воспитаны с идеей, что жизнь - это хождение. Хождение до тех пор, пока спотыкаешься и падаешь среди тел, которые также спотыкаются и падают один за другим - в полном безразличии. Единственная новость наших дней - то что это уже нельзя скрыть - в своём роде *это знают все*. И поэтому последнее укрепление системы в том что её внутренние механизмы просты и было бы глупо это игнорировать.

Многие недоумевают, почему до сих пор ни одному левому, крайне левому и вообще любому политическому движению никогда не удавалось противиться этому ходу истории. "Но мы же живём в демократии, не так ли?" Они могут недоумевать сколько угодно - ничего из того что выражается в рамках политики никогда не сможет ограничить распространение пустыни, потому что политика - *это часть пустыни*.

Мы это говорим не из-за того чтобы предложить какое-нибудь вне парламентарное противоядие либеральной демократии. Известный манифест "Мы левые!", который был подписан почти всеми французскими гражданскими коллективами и "социальными" движениями ясно повествует логику которой руководилась вне парламентарная политика в течении последних 30 лет: "Мы не хотим захватить власть или уничтожить государство. Мы хотим чтобы нас признали легальными партнёрами в переговорах."

Везде где властвует классическое понятие о политике - перед лицом катастрофы властвует та же повсеместная импотенция. То, что эта импотенция широко распространена среди известных "революционных" субъектов, не значит ничего. Анархисты федеративщики, советские коммунисты и троцкисты, республиканские конгрессмены начинают с одной и той же ампутации - распространением пустыни.

Для них политика это что-то улаженное, сказанное, сделанное и решённое среди мужчин. Собrania, которые их объединяют, объединяют всех людей в единой абстракции, вырванных из им соответствующих миров, создают идеальную политическую церемонию. Экономика тут же рядом - она является принципом управления всего что осталось за дверями зала совещаний. Всего что было создано как не политическое, но которое таким стало: семья, бизнес, личная жизнь, отдых, страсть, культура.

Это способ того как классическое понятие о политике распространяет пустыню,

абстрагируя людей от их миров, отсоединяя их от сети вещей, обычаев, фетишей, аффектов, мест и солидарностей, от всего что сотворяет мир, их создаваемый мир, от всего что их миру способно предать ясное содержание.

Классическая политика есть роскошная постановка тел без миров. Но всё равно спектакулярное собрание политических индивидуальностей не может замаскировать пустыню, чем оно является. Не существует людей отделённых обществом от суммы существ. Существует многообразие миров. Миров, которые становятся реальными когда ими делятся. Они сосуществуют.

Политическое - это игра между разными мирами, альянс совместимых миров и конфронтация противоречивых.

Поэтому мы можем заявить, что главный политический факт последних тридцати лет остался незамеченным. Потому что это происходило на таком глубоком уровне реальности который не может восприниматься нами как политический, не совершив революцию в самом понятии о "политическом". Это тот уровень реальности в котором происходит деление между тем что может и что не может восприниматься как реальное. Этот центральный факт является триумфом экзистенциального либерализма. Это факт того, что относиться к миру нужно из позиции *своей* отдельной жизни. Это факт того, что жизнь состоит из чередующихся выборов - хороших выборов и плохих выборов. Что любого можно дефинировать, определить, выбрав подходящие параметры.

Что идея "контракта" полностью описывает долговые отношения между людьми и что понятие об уважении полностью связано с выполнением этого контракта. Что язык не более чем инструмент для понимания.

Что мир с одной стороны создан из вещей которыми необходимо управлять, а с другой с океаном отдельных личностей, которые, позволяя собой управлять, неуклонно становятся вещами.

Конечно цинизм является одной из составных частей клинической картины экзистенциального либерализма, который также в себя включает депрессию, апатию, недостаточность иммунной системы (каждый иммунитет в своей основе является коллективным), лживость, правовую ущемлённость, хроническое недовольствие, отрицание привязанностей, изоляцию, гражданские иллюзии и полное искоренение щедрости любого вида.

Экзистенциальный либерализм распространил пустыню настолько хорошо, что даже самые настоящие левые выражают свою утопию на его языке: "Мы построим полностью равноправное общество в котором каждый внесёт свой вклад и в котором каждый получит такое удовлетворение какое ожидает. (...) По отношению к личным желаниям, было бы эгалитарно, если бы каждый потреблял соответственно своему вкладу. Способ измерять вклад следует пересмотреть." - этот язык выбрали организаторы антикапиталистического и антивоенного лагеря против большой восьмёрки в городе Эвиане, в своём тексте "Когда капитализм и оплачиваемый труд будут уничтожены". Вот и ключ к триумфу Империи - суметь отодвинуть на дальний план и обступить тишиной поле битвы в котором происходит движение, фронт на котором ведётся решительный бой создания сознательного и формирование чувствительного. Таким образом превентивно парализуется любая оборона, в самом зачатке искореняется мысль о каком-либо

сопротивления. Победа Империи происходит каждый раз когда левый активист после трудного активистского рабочего дня, обессиленный падает на диван перед очередным новым фильмом.

Когда левые видят что мы отказываемся от мучительных ритуалов вроде общих собраний, переговоров, протестов и требований, когда они слышат нас говорящих о *сознательном* мире вместо того чтобы трепаться о работе, самиздате, пенсиях и о свободе передвижения, они с жалостным взглядом и ухмылкой говорят друг другу: "Эх, бедные ребята, они обрекли себя на политику меньшинства, они отступили в своё гетто и отбросили любые надежды на расширение борьбы. Они никогда не перерастут в движение." Но мы считаем как раз наоборот - это они, которые, говоря на своём языке лжеобъективности, пригодной только для повторов и риторики, обрекли себя на безысходную политику меньшинства. Никого больше уже не поймать на это скрытое презрение с которым они говорят о "заботах" о народе, и которое заставляет их переключаться с безработных на нелегальных иммигрантов, с рабочих на проституток, *и так и никогда не дойти до разговоров о себе* - потому что это презрение является частью сознательной очевидности. Их желания "расширяться" не более чем способ убежать от *тех кто уже там*, от тех, с кем они бы больше всего побоялись бы жить рядом. И в конце концов - это они кто бояться признать политическое значение сентимента, хоть и *сентиментальность* является единственной надеждой обратить кого-нибудь к их жалкой вере. Мы скорее начнём с узкого круга друзей нежели с расширенного альянса.

ЗАЯВЛЕНИЕ III

Те кто на неотложность ситуации отвечают неотложностью своей *реакции* только дают свой вклад в дело всеобщего удушения.

Их манера вмешиваться указывает на суть всей их политики, на суть их *агитации*.

Для нас неотложность ситуации значит отказ от размышлений о правости и легальности. Такие факторы просто стали не нужны.

То что необходимо, по крайней мере, одно поколение чтобы создалось победоносное революционное движение, никак нас не трогает.

Мы на это смотрим совершенно спокойно.

Также спокойно как на криминальность нашего существования и действий.

ОБЪЯСНЕНИЕ

Мы знали, мы всё ещё знаем соблазны активизма.

Контр-саммиты, антиграницные лагеря, сквотирование, компании против выселения, новые законы безопасности, строительство новых тюрем. Последовательность и взаимосвязь всего этого. Всёувеличивающаяся разбросанность коллективов которая соответствует такой же разбросанности действий.

Бег вслед за движением.

Чувствовать свою силу благодаря неотложности. Оплачивать её непрерывным возвращением к основополагающей нехватке сил.

Вкладывать всё в каждую компанию. Позволить использовать всю силу. Потом браться за следующую, с каждым разом всё более уставшие, с одышкой, брошенные.

И мало-помалу через *требования* и обвинения стать неспособными чувствовать причину вовлечения во всё это. Неспособными чувствовать ту неотложность которая переполняет нас.

Активизм - это первый рефлекс. Стандартный ответ неотложности существующей ситуации. Всеобщая мобилизация во имя неотложности - это то к чему боссы и правительства приучили нас. Даже когда мы боремся против них.

Каждый день пропадают разные жизненные формы, среди них виды растений и животных, людские отношения и опыты. Наше ощущение неотложности не так уж связано с темпами этого вымирания, но скорее оно связано с необратимостью этого вымирания и невозможностью снова заселить пустыню.

Активисты мобилизуются против катастрофы. Они только растягивают её во времени. Их спешка жжирает тот маленький мир что ещё остался. Ответ активиста на неотложность включён в самом режиме неотложности, без малейших возможностей из него выбраться или прервать его. Активист хочет быть везде, она направляется туда куда её ведёт ритм разрушения машины. Она повсюду распространяет прагматическое воображение, радостную энергию оппозиции катастрофе. Активист *мобилизует* не сдаваясь, но она никогда не выделяет достаточно средств чтобы позволить себе понять каким конкретным способом противостоять распространению пустыни для того чтобы здесь и сейчас основать, приспособленные к обитанию, миры.

Мы покидаем активизм. Но мы не забываем того что даёт нам силу - определённое присутствие в ситуации. Непринуждённость перемещения в ней. Способ, как осознать борьбу не с моральной или идеологической точки зрения, а с технической и тактической.

Старая воинственность левых обеспечивает противоположный пример. Существует нечто важное в пассивности левых активистов в ситуациях. Мы всё ещё помним ситуацию в Генуе когда 50 активистов лиги революционных коммунистов махали красными флагами с надписью "100 % влево". Они были неподвижны, вне времени. Они выкрикивали свои отшлифованные слоганы в тесном окружении своей же полиции безопасности. В то же самое время некоторые из нас бьются с рядами карабинеров, кидают назад газовые гранаты, взламывают брусчатку, из опрокинутых vespa выливают бензин в бутылки, найденные на помойках, чтобы приготовить коктейль молотова. Когда их вынуждают говорить о нас, активисты рассказывают о безумцах, искателях приключений. Их подтекст таков, что ещё не созрели необходимые обстоятельства. Мы говорим что ничего не не хватало, кроме них.

Мы в левом активизме бросаем как раз отсутствие такой ситуации. Также мы бросаем непоследовательность на которую себя обрекает активизм.

Сами активисты тоже чувствуют эту непоследовательность. Из-за этого они время от времени обращаются к исторической борьбе, оттуда они заимствуют поля сражения и слоганы. То что им нравится в активизме прошлого - это его последовательность, структура и точность, которых так самим всегда не хватало. Это позволяет находить убежище в слоганах и требованиях - «Гражданство всем!», "Свободное перемещение людей!", "Гарантированные доходы!", "Бесплатный общественный транспорт!".

Проблема с требованиями в том, что определив свои нужды на языке понимаемым властью, невозможно *ничего* сказать о нуждах которые необходимы этому миру. Например, требование о бесплатном транспорте ничего не говорит о нашей нужде путешествовать, а не быть перемещёнными, ничего не говорит о нашей желании медлительности.

Также требования часто скрывают реальные конфликты которые изначально могли скрываться под этими требованиями. Требования о бесплатном транспорте тормозит развитие техник безбилетного проезда, во всяком случае в данное время.

Требование о свободном перемещении только уведит внимание от реального бегства из под усиления контроля.

Борьба за гарантированные доходы в лучшем случае обрекает нас на иллюзии о том, что капитализм можно улучшить до такого уровня, что через него можно переступить. Какую форму он бы не принимал - тупик будет тем же самым - мобилизованные личные ресурсы, которые могли стать революционными, навсегда застревают внутри радикальных реформ. Из-за отговорки про преодоления разделения между реформой и революцией мы повязаем в выгоды неопределённого.

Сегодняшняя катастрофа связана с миром который делается необитаемым. Методическое уничтожение всего обитаемого в междуособных отношениях и отношениях с своими многими мирами. Капитализм не мог бы триумфировать если бы не использовал разнообразные технологии власти - особенно политические. Существует множество техник - вооружённые и ненасильственные, телесные и дискурсивные, эротические и кулинарные, дисциплинарные и контрольные - бессмысленно осуждать "власть техник". Политические техники власти капитализма в первую очередь опираются на уничтожение средств которые бы позволили какой-нибудь группе творить и производить. Таким образом капитализм уничтожает условия существования этих групп. Людские общины, отделённые от камней и металлов, от растений и деревьев, от божеств и джинов, от диких и домашних животных, от трав и психоактивных веществ, от амулетов, машин и всех остальных существ - становятся неспособными создавать свои миры. Уничтожая общины через отчуждения их от средств существования и знаний, рождается политическая логика, которая навязывает посредничество товара в любых отношениях.

Также как необходимо было отделить ведьм от их медицинских знаний и сфер общения, которые позволяли им существовать, также как крестьянам сегодня приходится в пользу корпораций отказываться от своих семян.

В современном метрополисе эти техники власти капитализма достигают максимальную концентрацию. Метрополис - это место где уже нечего отбирать. Это среда где сделано всё чтобы человек создавал себя отдельно от других форм существования, находился с ними в непосредственной близости, но так никогда и не *встречал*.

В пользу этого разделения, ради его воспроизводства и утверждения - любая, даже малейшая попытка игнорировать отношения посредством товара, сделана преступной.

Сфера законности уже давно упразднена до несметного количества ограничений которые сделали жизнь почти невозможной - через оплачиваемый труд и самоуправление, через волонтерство и левый активизм.

Это пространство становиться всё необитаемей - всё что пробует сделать жизнь возможной, сделано преступлением. Там где активисты кричат: "Никто не нелегален!" - мы должны понять как раз противоположное - на сегодняшний день полностью легальное существование значит полное подчинение.

Существует уклонение от налогов, фиктивное трудоустройство, чёрный рынок и липовые банкроты, выманивание грантов и обман страхования, поддельные

документы и выманивание пособий. Существует путешествие в багажных отделениях и проезд без билетов. Уход от платежей и кражи являются повседневными практиками тысяч жителей метрополисов. Также существует нелегальный обмен семенами который помог сохранить многие виды от исчезновения. Некоторые из этих нелегальных действий более функциональны чем другие для капиталистической мировой системы. Некоторые из этих нелегальных действий толерируются, некоторые даже поощряются, но большинство конечно пресекается. Импровизированному огороднику на ничьей земле есть все надежды будь уничтоженным до первого урожая.

Если осознать совокупность рутинных законов и исключений которые применяются к любому пространству где мы проводим свои жизни, можно понять что нет ни одной формы жизни которой можно устроить безнаказанное существование. Существуют законы, коды, приговоры юристов, которые могут любое существование сделать наказуемым. Всё зависит от того прилагаются ли они.

Мы не будем ставить на то что там где растёт пустыня, растёт и спасение. Невозможно всё что не начинается с отделения от *всего того* что помогает расти пустыне.

Мы знаем что необходимо время. Существует много вещей которых мы уже не умеем. Также как и все, получающие что-то от модернизации и образованности нашего преуспевающего мира, мы почти не знаем как что-то делать. Даже собиранье съедобных и целебных растений воспринимается как что-то устарелое и странное.

Мы сделали простое наблюдение - каждому живущему в этом мире доступно некое количество ресурсов и знаний. Мы можем объединить их.

Вопрос ставиться не о том жить ли без денег, красть или покупать, работать или нет; он ставиться о том как нам использовать деньги так, чтобы увеличивать свою независимость от сферы товаров. И то, что мы даём предпочтение краже, а не работе, производству самим, а не краже никак не связано с какой-то этической чистотой. Это связано с тем, что потоки власти, сопутствующие потокам товаров и личная жертва, которая обуславливает средства выживания, стали неприемлемо велики. Существуют многие способы как не сказать то, что мы хотим - мы не хотим ударить в деревню, мы не хотим собирать старинные знания. Нас не волнует одна только экспроприация средств. Также мы не хотим ограничиться экспроприацией одних только знаний. Даже если бы мы объединили все наши знания и техники, всю находчивость встречающуюся в активизме, всё равно не получилось бы никакое революционное движение. Это вопрос времени. Это вопрос о том как создавать мгновения в которых бы нападение могло бы поддерживаться и не угасать. Это вопрос о создании реальных солидарностей которые помогли бы нам *удержаться*.

Мы знаем что для революции необходимо совместная материальная сила. И мы не игнорируем негодность этого убеждения.

Мы знаем что ещё рано. Мы также знаем что уже поздно. Именно поэтому у нас есть время.

Мы перестали ждать.

ЗАЯВЛЕНИЕ IV

Мы ставим точку перемен в интенсивности связей между тем как *каждая* живёт и тем что она думает и желает. В этой точке находиться выход из пустыни, конец капитализма. В отличии от партизан экзистенциального либерализма мы отказываемся принять это как личный вопрос, индивидуальную проблему или даже как черту характера. Скорее наоборот. Мы начинаем с уверенности в том, что эта связь опирается в совместном творении миров в совместном использовании эффективных средств.

ОБЪЯСНЕНИЕ

Каждый из нас каждый день вынужден принять то что волнения о том - "живём ли мы так как думаем" является абсолютно наивным, отсталым от времени и в своей основе показывает отсутствие культуры. Мы воспринимаем это как симптом. Очевидным тут является только либеральный эффект переопределение значений, который зарисовывает разделение между общим и частным. Так либерализм работает через определение что всё допустимо, что думать можно что угодно, но только *до тех пор пока* это не распознаётся как что-то что имеет влияние на общественные структуры, институции и государственную власть. Любая идея приемлема, её распространение даже должно поощряться, но *только до тех пор пока* соблюдаются общественные нормы и государственные законы. То есть свобода мыслить и выражаться должна быть полной, но человек *не может желать последствий* своих мыслей, во всяком случае не в том что связано с коллективной жизнью.

Может быть это и правда что либерализм изобрёл индивида, но он родился калекой. Заведено так что либеральный индивид лучше всего сможет выразить свою свободу в контексте пацифистских и гражданских движений, но только в такой мере которая не просит от него верности и действий и ни в коем случае не навязывает себя другим. Глупое поучение "моя свобода кончается там где начинается свобода другого" в наши дни воспринимается как неопровержимая правда. Даже Джон Стюарт Милл, которого воспринимают как наиважнейшего агента победного похода либерализма, уже заметил вывод исходящий из этого поучения: каждому разрешено желать что угодно, только *не слишком сильно* — так, чтобы это не выходило за границы частного, во всяком случае, чтобы это не выходило за рамки "свободы выражений".

То, что мы называем экзистенциальным либерализмом является верностью череде очевидностей, которые указывают на склонность субъекта к предательству. Например, очевидно что все действуют руководясь своими интересами и никого нельзя упрекнуть в том, что он становится таким негодяем, на которого он сам бы в молодости плюнул. Мы обучены функционировать так чтобы сами к своему предательству относились как к облегчению. Это эмоциональное облегчение является гарантом того что мы приняли своё взросление. Помимо этого самодостаточность как неоспоримый идеал для самых ревностных. И вот слишком много предательства для тех кто решил сдержать свои юношеские обещания.

Одним из либеральных доказательств является то что мы действуем как владельцы, собственники; даже по отношению к своему опыту. Из-за этого, чтобы не быть либеральным индивидом надо отказаться от своих качеств, от того что является своей собственностью. Только этим "качествами" надо дать другое определение - это не то что мне принадлежит, это то что *привязывает* меня к миру. Таким образом это не предназначено только для меня, это никак не связано с частной собственностью или с чем-то что обозначает мою личность ("такой я уж и есть." С добавлением "такой же как ты"). Хотя мы и отвергаем идею о личных качествах, мы не имеем ничего против привязок. Вопрос о присваивании и изъятии упраздняется до вопроса: Что нам *соответствует*? Что нам пригодно? Чем мы пользуемся? Что нам нужно? Что связано с местом? Что связано с мгновением мира?

Экзистенциальный либерализм является спонтанной этикой пригодной для социал-демократии как политического идеала. Ты никогда не станешь лучшим гражданином, нежели когда ты готов отказаться от борьбы, чтобы только поддержать своё место в обществе. Это не всегда легко, но это как раз то, где экзистенциальный либерализм оказывается эффективным - он обеспечивает лекарство против дискомфорта который сам и создаёт. Чек для *amnesty international*, *fair trade* кофе, демонстрация против очередной войны, последний фильм Майкла Мура - это только несколько способов не действовать, которые замаскированы за жестами спасения. Продолжай все так как это бы делал нормальный человек - ходи гулять в специально предназначенные места, закупайся как прежде, только изредка успокой свою совесть покупая по *logo* или бойкотируя *shell*. Этого должно хватить чтобы убедить себя что политическое действие просит не так уж много и ты тоже "можешь что-то сделать". В этой торговле индульгенциями не появилось ничего нового - просто очередная липовая тропа во властвующей растерянности. В этой "возможны-другие-миры" и "честные-торговля-идеи" культуре оставлено очень мало места для того чтобы говорить о этике которая уже не указана на упаковке. Всёмножающийся набор организаций занимающихся защитой окружающей среды, правами человека и т.д. только приспособленчески переводит всё недовольство в русло довольствия и таким образом участвует в сохранение существующего порядка через создание личных героических культов, через распознавание в общественном мнении, через почитание общественной полезности.

И поверх всего этого - больше никаких врагов. И в худшем случае - проблемы, нарушения, катастрофы - опасности, от которых нас могут спасти только механизмы и институты власти.

Основатели либерализма яростно пытались нейтрализовать секты потому что они в себе объединяли субъективные элементы, которые современное государство должно было изгнать чтобы самому существовать. Потому что сектантская жизнь является тем что соответствует только её правде - определённому отношению к миру и происходящему; способом как не потерять точку зрения на то что для неё самой является актуальным. Существует крепкая связь между рождением "общества" (и коррелятивной сестры "экономики") и либеральным переобозначением частного и общего. Сектантская община уже сама по себе является угрозой тому, что лицемерно называют "либеральным обществом". В главную очередь из-за того что секты являются организованной формой отделения. И тут-то и скрывается кошмар для основателей современного государства - когда часть коллективности отделяется от целого, разрушается идея о единости. Существуют две вещи которые общество не может вынести: что мысль может быть принята не отдельно от жизни, то есть что у неё может быть влияние на существование; и то что это принятие может быть не только передано, но и *коллективизировано*. Государству этого хватает чтобы любой коллективный опыт вне её контроля дискредитировать как «секту».

Очевидность мира товаров повсеместна. Эта очевидность - самый эффективный способ чтобы отделить *цели* от *средств* и превратить "каждодневную жизнь" в пространство существования которым надо только *управлять*. Такая жизнь становится чем-то куда нам хотелось бы вернуться; и это возвращение становится принятием необходимой и всеобщей нейтрализации. Это всё более развивающийся отказ от непосредственной радости. Как когда-то сказал один друг: "Этот отказ является тем чем мы водимся совершая свои преступления."

Существует мало таких общин которые могут избежать ожидающей их пропасти. Экстремальная скука реального, где община как воплощение посредственной интенсивности - медленное угасание от которого ей не сбежать, неловкость, наполненная кухонной романтикой.

Нейтрализация - важнейшая черта либерального общества. Все знакомы с центрами нейтрализации, где требуется сдерживать себя - учреждения (в том числе и семья), вечеринки, спортцентры, художественные галереи и так далее и тому подобное. Главный вопрос - почему? Хотя и все знают что это за места, но они всё равно пользуются популярностью. Почему все всегда предпочитают чтобы ничего не происходило? Во всяком случае ничего такого что могло бы нести за собой большие перемены. Из-за привычки? Из-за отчаяния? Из-за цинизма? Или может из-за того что ты можно ощущать наслаждение от возможности быть там где ты *вообще* не находишься; в этих местах обеспечивается возможность быть самим собой, даже не существуя.

Эти *этические* вопросы надо задавать в первую очередь потому что они находятся в основе того что мы называем политическим - как ответить на нейтрализацию аффективного и на эффекты решительных мыслей. Каким образом современное общество действует через эту нейтрализацию или скорее как вживаются эти нейтрализации? Как наша склонность к ослаблению сказывается на нас и на наш коллективный опыт - материальную эффективность империи?

И конечно эти нейтрализации могут идти рука об руку с огромной интенсивностью творения. Ты можешь экспериментировать до упомрачения, если ты конечно уникальная творческая личность, отделённая от коллективности

и то что ты создаёшь является доказательствами этой уникальности. Ты даже можешь познать "возвышенность", если ты конечно познаёшь её в одиночестве и только *косвенно* передаёшь дальше. Тогда тебя признают художником или мыслителем и если ты "политически вовлечён", то у тебя будет возможность рассылать сколько угодно сообщений о том что ты уникальный, видишь дальше и то что ты предупреждал других.

Мы также как и многие соприкасались с тем, что если заблокировать аффекты "изнутри", то они превращаются в катастрофу. Они даже могут превратиться в *симптомы*. Неподвижность, которую мы наблюдаем в себе, исходит из стен которые каждый из нас чувствует что должен строить чтобы обозначить свои границы и ограничить то что могло бы их перейти. Когда стены начинают трескаться или рушиться - это определённо связано с испугом; но таким испугом который может нас освободить от страха. Любое оспаривание личных или коллективных границ, которые построила цивилизация, может быть освобождающим. К любой материальной общине относиться определённое подчинение тел риску - это происходит когда аффекты и мысли больше нельзя соотносить друг с другом, когда через индивида возобновляется циркуляция не сортированных аффектов, мыслей, идей, впечатлений, эмоций. Но также надо понять что община сама по себе не является *решением*. *Проблемой* является её вездесущее и постоянное исчезновение.

Мы не воспринимаем людей как изолированных индивидов или существ. Мы видим их связанными многочисленными привязанностями, которые они научились отрицать. Это отрицание блокирует аффективную циркуляцию через которое должно происходить ощущение и использование этих многочисленных привязанностей. Помимо этого это отрицание необходимо чтобы привыкнуть к самой обезвреженной, самой серой и посредственной интенсивности. Той интенсивности которая может заставить тосковать по выходным или обеденным перерывам как по божьему дару - но вообще-то по чему-то нейтральному, серому, посредственному. Имперский порядок раскрывается в посредственной интенсивности.

Нам скажут, что предлагая совместные переживания интенсивности вы идёте против того в чём нуждаются живые существа чтобы жить, то есть спокойствия и нежности - что очень дорогая радость в наши дни, также как и все другие дефицитные товары. Если это значит что наша точка зрения несовместима с дозволенным в свободное время, то даже и фанаты зимних видов спорта согласятся, что ни такая уж большая утрата будет если сгорят все горнолыжные курорты. С другой стороны мы не имеем ничего против нежности, которую скрывает в себе каждое живое существо.

Возможно что жизнь - это нежная вещь - любой стебель травы это знает лучше чем все граждане мира.

ЗАЯВЛЕНИЕ V

Любые моральные заботы, любое волнение об идейной чистоте мы замещаем коллективной игрой *стратегий*.

Только то является плохим что мешает просту наших сил.

Как раз из-за этого выводится что экономику и политику больше нельзя разделять.

Мы не боимся организовать банды; и можем только посмеяться над теми кто называет нас преступниками.

ОБЪЯСНЕНИЕ

Нам продали эту ложь: только то что является наиболее специфическим в нас и есть то что *отделяет* нас от остальных.

У нас есть опыт как раз противоположного: любая уникальность прочувствуется таким *образом* и *интенсивностью* с какой мы осуществляем что-то общее.

Мы начинаем здесь,

здесь, где мы находим друг друга.

То что в нас является наиуникальнейшим - это то чем жаждется делиться.

И мы ещё добавляем: не только то чем мы хотим делиться очевидно не совместимо с существующим порядком, но и сам этот порядок старается уничтожить любое совместное использование которому он не может навязать свои правила. Например, единственные виды допустимого коммунального жилья в городе - это коммуналки, бараки, больницы, тюрьмы, ночлежки и пансионаты. *Нормальным* состоянием является изоляция каждого в отдельном кубике. Куда каждый неустанно возвращается, несмотря на то какие бы прекрасные встречи с ним бы не произошли и несмотря на сильное отвращение которое испытывает .

Мы познали такой способ существования и больше не хотим туда вернуться. Это у нас отнимает силы. Это нас делает уязвимыми. Это заставляет нас исчезнуть.

Когда-то изоляция была строжайшем наказанием какое только могли вынести члены общины. Сейчас это обыденная ситуация. Остальные бедствия логически последуют. Только из-за ограниченного убеждения что у каждого есть свой дом, нам кажется приемлемым улицы оставить ментам. Мир невозможно было бы сделать таким необитаемым и общество настолько контролируемым - от торговых центров до баров, от офисов корпораций до нелегальных мест - если каждому предварительно уже не было бы гарантированно убежище или частное пространство.

Убегая от полностью организованного и приватизированного состояния бытия мы нашли сквоты и другие так называемые "автономные зоны", мы даже нашли международную сцену таких освобождённых пространств. В плеяде этих оккупированных мест, несмотря на многие ограничения, есть возможность экспериментировать коллективной жизнью вне контроля, мы почувствовали прилив сил. Мы организовались для элементарной жизни - кражи, коллективный труд, общие трапезы, деление навыками, экипировкой, любовью. Мы также нашли политические способы проявить себя - концерты, зины, прямое действие, саботаж. И тогда мало-помалу мы увидели как наша округа превращается в *среду* и среда в свою очередь в *сцену*. Мы видели как игру стратегий заменяют моральные коды. Мы видели как укрепляются нормы, строятся репутации, идеи начинают *функционировать* - всё становится *предсказуемым*. Коллективное приключение превратилось в скучное сосуществование. Мы адаптировались. В конце концов то, что мы верили является другим миром, превратилось в нечто иное, в отражение властвующего мира - те же игры культа личности в кражах, борьбе, политкорректности или радикальности; тот же самый унижительный либерализм, те же бои за территорию, за подходы. Та же трещина между повседневной жизнью и политическим действием, та же паранойя ролей. И в добавку ко всему этому - время от времени убегать от своей локальной нищеты, чтобы ввести её в другом месте - там где это ещё является экзотикой.

Мы не относим эти слабости к сквотированию как форме. Мы её не отрицаем и не бросаем. Мы заявляем, что сквотирование для нас снова будет иметь смысл только когда мы знаем что также как и везде совместное использование будет коллективной стратегией, а не альтернативой попаданию в капкан, неважно через интеграцию в общество или отступлением в гетто.

Если речь идёт о стратегиях - мы кое чему научились у "стратегии побеждённых". Мы помним истоки рабочего движения.

Они нам близки.

Потому что то что это движение практиковало в своих началах, прямо *соотносится* с тем как мы живём и что мы хотим практиковать.

Та *сила* что когда-то называлась "рабочее движение" держалась на коллективных, криминальных практиках. Подпольные фонды совместной помощи в случаях забастовок, акты саботажа, тайные общества, классовое насилие, первые формы коллективизации - и это всё, осознавая свой криминальный и антагонистический статус.

Когда-то в США организованная преступность и формы организации рабочих представляли неделимую сущность. Разрушительная сила пролетариата в начале индустриальной эры опиралась на общины и подпольные криминальные солидарности. Ответ на становление рабочего преступником был систематический контроль, называемый "морализацией" любой автономной формы организации. Всё что переступало границы честного рабочего было маргинализировано как *бандитское поведение*. И в конце концов на одной стороне оказалась мафия, а на другой профсоюзы - единые в своей ампутации.

В Европе за интеграцию рабочего движения в государственный аппарат - основы социал демократии - было заплачено отказом от возможности быть помехой. Рождение рабочего движения тоже было связано с материальной солидарностью и неотложной нуждой в коллективности. *Maisons du Peuple* были последними

убежищами неделимости между немедленной коммунизацией и стратегическими нуждами практического осуществления революционного процесса. Позже, движение развилось как разделение на кооперативную взаимную помощь (ниша в экономике, отделённая от своей стратегической причины) и политическую форму профсоюзов, которые действуют как смесь парламентарных и управляющих институций. Как раз из-за этого отказа отделиться от капитализма и государственных институций, появился абсурд, который мы называем левым движением. Высшая точка этого абсурда достигается тогда, когда профсоюзы сотрудничают с ментами для того чтобы утомить бушующих демонстрантов.

Последние меры безопасности принятые западными государствами указывают только на то что они утратили любую способность удерживать целостность. Они не делают больше ничего кроме управления своим необратимым крахом. При этом уничтожая что-либо новое, что могло бы предотвратить этот крах.

Всё что покидает.

Всё что выпирает.

Но там уже ничего не поделать. Внутренние развалины общества всё равно дают множество трещин. Даже неустанное обновление спектакля ничего не может поделать - новые миры всё равно рождаются. Сквоты, коммуны, группускулы, барриос - все стараются сбежать от краха капитализма. Чаще всего эти попытки сами кончаются крахом или умирают от аутархии, или из-за нехватки контактов и сетей взаимопомощи, а также из-за отказа принять себя как участников мировой гражданской войны.

Но и все эти попытки ничтожны по сравнению с желанием масс - подавленным желанием масс - выжить. Убежать.

За 10 лет между двумя переписями населения в Великобритании пропало 100 тысяч человек. Кто живёт в доме на колёсах, кто купил билет, кто закинулся кислотой или присоединился к лешим. Они отделились. Они дезертировали.

Мы бы хотели чтобы в нашем отделении были места где встречаться, место где стать, направление которому следовать.

Многие, которые уходят - теряются.

Многие никогда не приходят.

Наша стратегия такова: незамедлительно создать точки встречи дезертиров. Беженцев. Тех, кто уходит. Места где найти прибежище от цивилизации контроля, которая движется к пропасти.

Это речь о том чтобы найти средства, найти масштаб в котором вопросы, если с ними встретиться в одиночку, вызывают депрессию, но коллективно можно найти им решение. Как избавиться от зависимостей, которые делают нас слабыми? Как организовать так чтоб нам больше не приходилось бы работать? Как поселиться вне токсичности метрополиса, не удирая в деревню? Как закрыть все атомные электростанции? Как не быть *принуждёнными* в случае сумасшествия друга обращаться к психиатрическому зомбированию или суровым средствам механической медицины когда он заболевает? Как жить вместе не доминируя друг над другом? Как реагировать на смерть товарища?

Как разрушить Империю?

Мы знаем наши слабые места - мы родились и выросли в умиротворённых обществах так как будто они растворены. У нас не было возможности достичь согласия в моменты когда интенсивное коллективное конфронтация может его дать; не достигнуты и знания об этих возможностях. У нас есть политическое образование к которому мы должны созреть вместе. Теоретическое и практическое образование.

Для этого нам необходимы места. Места где организовываться, обмениваться и узнавать необходимые техники, где научиться справляться со всем с чем можно столкнуться. Где взаимодействовать. Не откажись от политической перспективы, экспериментирование *Vauhaus*, со всей материальностью и дрожью которую оно содержало, могло воплотить идею о времяпространстве предназначенном для передачи знаний и опыта. У *Чёрных пантер* были такие места; места к которым они присоединили свои возможности - 10 тысяч бесплатных обедов ежедневно и автономная пресса. Они скоро стали такой угрозой что были необходимы спецслужбы чтоб их перебить.

Всё что создаёт себя как силу знает что становится глобальным врагом. Это не вопрос о насилии. Но пацифизм выглядит для нас как ещё одно орудие в руках Империи. Такой же как спецполиция и журналисты. Мы о нём не думаем. Мы учитываем обстоятельства этого принуждённого, асимметрического конфликта, форм его появления и исчезновения соответственно каждой из наших практик. Демонстрация, действие с открытыми лицами или возмущённый протест - недейственные способы борьбы против этого режима; они даже усиливают его, подкармливая всей необходимой информацией для усиления систем контроля. Во всяком случае, понимая, что современные лидеры также подчинены хрупкости современной субъективности, только разумно не нападать на них, а на материальные средства которые дают им лицо. Это выходит за рамки стратегической части. Поэтому мы обращаемся к формам действия которые присущи всем партизанам: анонимный саботаж, акции без ясного смысла, обращение к простым техникам, нацеленные контр-атаки.

В том как мы обеспечиваем средства для жизни и борьбы нет вопроса морали, есть только тактический - о средствах которые мы даём себе и как мы ими пользуемся.

Друг один раз сказал: "Выражение капитализма в наших жизнях - это тоска." Сейчас пришло время создать материальную основу нашей совместной радости.

ЗАЯВЛЕНИЕ VI

С одной стороны мы хотим жить коммунизм;
с другой - распространять анархию.

ОБЪЯСНЕНИЕ

Мы живем во времена наисильнейшего разделения. Депрессивная нормальность большого города и его одинокие массы выражают невозможную утопию атоминизированного общества.

Наисильнейшее разделение содержится в смысле слова “коммунизм”.

Коммунизм - это не политическая или экономическая система. Коммунизм не нуждается в Марксе. Коммунизму наплевать на СССР. И мы не можем объяснить почему раз в десять лет в течении последних 50 они прикидывались что заново раскрывали преступления Сталина, со словами: “Посмотрите что такое коммунизм!” как будто не понимая, что всё и так нас подталкивает в этом направлении.

Единственный аргумент который использовался против коммунизма - это то что мы в нем не нуждаемся. И конечно, не так уж распространены, не так уж давно, были, здесь и там, вещи, языки, мысли, места, которыми делились и которые существовали; хотя бы достаточно чтобы не пропасть. Существовали миры и они были обитаемы. Отказ думать, отказ задавать *вопрос коммунизма* имел *практические* аргументы. Но они вычищены. Восьмидесятые, восьмидесятые *как они продержались*, остаются травматическим индикатором предельной чистки. С тех пор все социальные отношения стали страданием. До такой степени, что предпочитается любая анестезия, любая изоляция. Неким образом экзистенциальный либерализм сам по себе является тем что нас подталкивает к коммунизму посредством своего триумфа.

Коммунистический вопрос - это вопрос о разработке наших отношений с миром, с существами, с самими собой. Это вопрос разработки игры между разными мирами, *коммуникации* между ними. Не о объединении мирового пространства, но о создании сознательного, то есть о множественности миров. В таком смысле коммунизм не является избавлением от всех конфликтов, он не описывает конечную стадию развития общества в которой всё завершено. Потому что и через конфликты миры сообщаются. “В буржуазном обществе отличия между людьми

являются единственными отличиями которые не связаны с самим человеком, это как раз настоящие отличия качеств, которые не сохраняются. Коммунист не желает создавать коллективную душу. Он хочет реализовать общество в котором нет ложных отличий. Избавление от ложных отличий открывает возможности настоящим различиям,” - говорил один старый друг.

Например, очевидно что вопросы: чему я принадлежу, что мне нужно, что делает мой мир, редуцирован до полицейской фикции частной собственности: что принадлежит мне, что является *моим*. Что-либо присуще мне до тех пор пока это принадлежит полю того чем я пользуюсь; и не выходит за рамки юридического права. В конце концов частная собственность не имеет другой реальности кроме силы, защищающую её. Вопрос коммунизма - это, с одной стороны, избавление от полиции, а с другой, разработка способов совместного пользования между живущими вместе. Это вопрос от которого каждый день ускользают со словами “Дай мне передохнуть!” и “Остынь!”. Конечно коммунизм не дан. Он должен быть выдуман, он должен быть *сделан*. Почти всё, что противостоит ему, распродается в истощённом выражении: “Но вы никогда его не сделаете...Он не будет работать...Люди такие какие они есть...И так уже достаточно трудно жить свою жизнь...У силы есть предел, мы не можем сделать всё.” У истощения нет аргументов. Это состояние.

Коммунизм начинается с опыта того чтобы делиться. И в первую очередь делиться нашими нуждами. Нужды - это не то, что капиталистическое правление привыкло нам навязывать. *Нужда ничего не говорит о желании вещей отдельно от желания миров*. Каждая наша нужда связывает нас со всем что ощущает её. Нужда - это просто название отношениям через которые определенное чувствительное существо придает смысл конкретным элементам своего мира. Как раз поэтому те у кого нет миров - например субъекты большого города - не имеют ничего кроме прихотей. И по этому капитализм, якобы удовлетворяя нужду в вещах, не делает ничего иного как распространяет универсальное недовольство; и чтобы делать это, он должен уничтожить миры.

Коммунизм который мы имеем ввиду является *определенной дисциплиной внимания*.

Практику коммунизма в своих жизнях мы называем “Партией”. Когда мы преодолеваем трудности вместе или достигаем высший уровень возможности делиться, мы говорим что “мы строим Партию”. Конечно есть другие, которых мы еще не знаем, которые строят Партию в других местах. Этот призыв нацелен на них. Никакой опыт коммунизма в наши времена не может выжить без организации, без привязки себя к другим, без вставления себя в кризис, без ведения войны. “Ибо оазисы дающие жизнь пропадают, когда мы в них ищем убежище.”

Процесс учреждения коммунизма, как мы его понимаем, может принять только форму собирания актов коммунизации - делая общей какое-нибудь место, какую-нибудь машину, какое-нибудь знание. То есть разработку способов делиться, которое привязывает к им. Восстание само по себе является только акселератором, решающим моментом в этом процессе. Партия, как мы её понимаем, не является

организацией, где всё становится иллюзорным следом в прозрачности; и это не семья, где все попахивает мутностью обмана.

Партия - это набор мест, инфраструктур, общих средств; а также мечт, тел, слов, мыслей, желаний которые находятся в обороте в этих местах, в использовании средств, в общем пользовании инфраструктурами.

Понятие Партии отвечает минимальной формализации, которая нас делает доступными и в то же время оставляет невидимыми. То что мы объясняем себя и формулируем основы совместности принадлежит коммунистическому образу. И по этому самая последняя добавка равна наисторейшей.

Посмотрев внимательней, Партия не может быть ничем иным нежели формацией чувствительности как силы. Открытие архипелага миров. Чем бы являлась политическая сила в обстоятельствах империи если бы у неё не было своих ферм, школ, оружия, медианы, коллективных домов, редакций, типографий, замаскированных грузовиков и плацдармов в большом городе? И всё более абсурдным кажется то что некоторые из нас должны работать на капитал помимо необходимых задач инфильтрации.

Наступательный потенциал Партии заключен в том, что она одновременно является производительной силой, но отношения внутри неё только *между прочим* являются производительными.

По мере своего развития капитализм раскрыл себя не только как производительную силу, но и как упраздителя всех отношений до производительных. От фирмы до семьи, даже потребление является частью всеобщего производства, производства *общества*.

Свержение капитализма придёт от тех кто способен создать обстоятельства для *других типов отношений*.

Таким образом коммунизм о котором мы говорим резко противоположен исторически карикатурному “коммунизму”, который в большинстве своих случаев был социализмом - монополистическим государственным капитализмом. Коммунизм состоит не в разработке *новых отношений производства, а как раз в уничтожении этих отношений*.

Не иметь производственных отношений с миром или между собой, значит: не позволять поиску результатов стать важнее вниманию к процессу; избавить себя от всех форм валоризации; увериться, что мы не отрываем аффекцию от кооперации.

Быть внимательным к мирам, к их чувствительным конфигурациям является тем что делает невозможным изоляцию типа “производственных отношений”.

Места, которые мы открываем, в которых мы делимся средствами - это как раз та благодать которую мы ищем и переживаем.

Чтобы назвать этот опыт, мы слышим часто используемое понятие “свободы”, в смыслах “свободного передвижения”, “свободного времени”. Мы лучше бы говорили о коммунизме, потому что нельзя забывать как эта “свобода” используется для понятий организации, и в данный момент, для политического антагонизма.

Итак, создание Партии в её более видимом аспекте, для нас состоит из того чтобы делиться или из коммунизации того, что у нас уже есть. Коммунизация места

значит освобождение его использования и на основе этого освобождения экспериментирование с очищенными, интенсифицированными и усложнёнными отношениями. Если частная собственность в своей сути является контролирующей силой, которая лишает любого возможности использования желанной вещи, то коммунизация, значит лишение агентов империи возможности использовать её.

В любом случае мы отказываемся от шантажного принуждения выбирать между тактиками нападения и создания, между негативностью и позитивностью, жизнью и выживанием, войной и повседневностью. Мы не будем на это реагировать. Мы слишком хорошо понимаем как эти альтернативы разделяют, а потом разбивают и переразбивают все существующие коллективы. Потому что для развертывающейся силы нет возможности определить, является ли уничтожение устройства, приносящего вред, нападением или созданием, или является захват необходимого количества еды или медикаментов актом войны или грабежа. Потому что существуют обстоятельства, например, во время бунта, когда возможность исцелить своих товарищей явно усиливает нашу способность увеличить хаос. Кто может сказать что вооружение себя не будет частью материального создания коллективности? Когда мы соглашаемся на общую стратегию, то там не существует выбора между созданием и нападением; в каждой ситуации видно что увеличивает нашу силу, а что приносит вред, что является подходящим, а что нет. Но когда это не ясно, то есть дискуссия; и в худшем случае - на удачу.

В общем, мы не видим ничего кроме силы, реальности, способной *пережить* полную дислокацию капитализма, что поистине может атаковать и может удержать нападение до самого момента дислокации.

Когда придёт этот момент нашим преимуществом будет способность перевернуть всеобщий коллапс, такой как был в Аргентине или СССР, в революционную ситуацию. Те кто отделяют материальную автономию от саботажа имперской машины показывают что не желают ни того ни другого.

Не в упрек коммунизму, но самый большой опыт совместности был в испанском движении анархистов в период с 1868 по 1939.

ЗАЯВЛЕНИЕ VII

Коммунизм возможен в любой момент.

То что мы называем “Историей” является лишь набором окольных путей, придуманных людьми чтобы избежать её. Факт того что эта “История” в последнее столетие занята ничем иным как набором разнообразных бедствий показывает то что коммунистический вопрос больше не может быть подавляем. В свою очередь мы должны подавить это подавление.

ОБЪЯСНЕНИЕ

“Но что вы конкретно хотите? Что вы конкретно предлагаете?” - вопросы такого рода могут показаться невинными. Но к несчастью это отнюдь не вопросы - это *действия*.

Относить каждое “мы” которое выражает себя по отношению к инородному “вы” значит отвлечь угрозу того, что это “мы” вовлекает меня, что это “мы” *проходит через меня*. Таким образом создаётся кто-то кто просто *несёт* суждение - которое само по себе не может быть отнесено к кому-то как *владельцу* этого суждения. Сейчас, в обстоятельствах методичной организации властвующего разделения, суждениям позволяется циркулировать только когда они указывают на владельца, на *автора*. Иначе они рискуют стать *общим*. Только то что предлагается спектаклем имеет право на анонимность.

И ещё есть такая мистификация: если мы пойманы в мире который раздражает нас, то мы обязаны делать предложения и искать альтернативы. Другими словами, мы могли бы вытащить себя из ситуации в которой находимся только посредством спокойной дискуссии между рассудительными людьми.

Но нет, ничего кроме ситуации нет. Не существует мира за рамками мировой гражданской войны. Мы неизлечимо *там*.

Всё что мы можем - это вырабатывать стратегию. Делиться анализом ситуации и вырабатывать стратегии внутри неё. Это единственное революционное и практическое “мы”, открытое и рассеянное, - это позиция любого кто действует вблизи тех же линий.

В августе 2003 года, мы можем сказать что находимся в высшей точке наступления капитализма с начала 80-х. Анти-терроризм и уничтожение остатков рабочего движения создаёт параметры рассеянной дисциплины. Никогда ещё

управляющие обществом так хорошо не знали какие препятствия они эмансипировали и какие средства они держат. Например, они знают что средний класс, живущий в большом городе настолько обезоружен, что не может создать ни малейшего сопротивления своему запланированному уничтожению. Также они знают, что контр-революция, которой они руководят, вписана в миллионы тонн бетона - в архитектуру многих “новых городов”. Смотри в будущее можно увидеть что у капитализма и впрямь есть план создания взаимосвязанных зон повышенной безопасности глобального масштаба, где процесс капиталистической валоризации полностью охватит все проявления жизни в безостановочном и беспрепятственном виде. В этих детерриториализированных зонах граждан сформируется полицейская непрерывность, где постоянный высокий уровень контроля будет преобладать как политически так и биометрически. А к остальному “миру” можно будет относиться как фону, контрасту и в то же время как к обширному вне, который ещё предстоит цивилизовать. Хаотичные эксперименты сожигания враждебных зон (как это десятилетиями происходит в Израиле) будет моделью грядущего социального управления. Мы не сомневаемся что подлинный смысл всего этого, для капитала, является созданием с нуля своего *собственного* общества.

В какой угодно форме и за любую цену.

На примере Аргентины, мы видели что экономический разгром целой страны - отнюдь не высокая цена.

В этом контексте, мы являемся теми, всеми теми кто чувствует тактическую нужду в следующих трёх действиях:

1. Предотвратить всеми способами воссоздание Левых.
2. Продвигать, от “природного бедствия” к “социальному движению” процесс коммунизации, создание Партии.
3. Вносить раскол в жизненноважные секторы имперской машины.

1.

Левых время от времени разбивают. Это нас развлекает, но этого не достаточно. Мы хотим их окончательного разгрома. Без возможности восстановления. Чтобы понятие о совместимой оппозиции никогда больше не проследовало умы тех, кто *знает*, что они не приспособлены к капиталистическому процессу. Левые - это часть механизма нейтрализации, присущей либеральному обществу. Все это признают сегодня, но вспомним ли мы это завтра. Чем сильнее социальная разруха, тем больше Левые призывают к “гражданскому обществу”. Чем больше менты практикуют безнаказанный беспредел, тем громче они заявляют о своём пацифизме. Чем больше государство отбрасывает оставшиеся юридические формальности, тем больше они становятся “гражданами”. Чем больше срочность апроприации средств, тем громче Левые призывают нас к апроприации обстоятельств нашего подчинения, к ожиданию и требованию посредничества или даже призывают искать защиту у хозяев. Это Левые, стоящие лицом к правительству в условиях войны, наказывают нам быть услышанными правительствами, писать жалобы, определять требования, изучать экономику. Но Левые ничто иное как тусовка

мужиков, граждан и цивилизации. Сегодня эта программа совпадает с укомплектованной контр-революционной программой, которая состоит в том чтобы поддерживать все парализующие нас иллюзии. Дело Левых - это толковать сон который себе может позволить только Империя. Он представляет собой идеализированную сторону имперской модернизации, предохранительный клапан, необходимый темпу капитализма. Это даже постыдно описано в публикации Французского Департамента по делам Молодёжи, Образования и Науки: “С этого момента все должны знать, что без поддержки граждан государство не сможет продолжать работу по спасению общества от краха.”

Победить Левых - это значит *постоянно держать открытым канал социального недовольства* - это не только необходимо, но и возможно. Мы стали свидетелями того как, пока Имперские структуры усиливаются до ещё не бывалого уровня, происходил переход из Рабочего левого (те кто похоронили Рабочее движение) к *культуральному* Левому, с Негризмом во главе. Это новое Левое ещё не полностью закрепилось на недавно нейтрализованном “антиглобалистском движении”. Приманки, которые они используют, пока ещё не эффективны, в свою очередь старые уже стали бесполезны. Наша задача громить глобальных Левых повсюду где они делают шаг вперёд, методично саботировать их в моменты формирования; как в теории так и в практике. Так вот, наш успех в Генуе кроется не в зрелищных битвах с ментами или нанесении огромного материального вреда органам государства и капитала, а как раз в том, что нам удалось распространить формы сопротивления присущие “Чёрному блоку” *на все части демонстрации*, таким образом потопить ожидаемый триумф *Tute Bianche*. В свою очередь наше поражение было в том что мы не знали как развить свои позиции таким образом, чтобы эта победа на улице стало чем-то больше страшилки, систематично используемой так называемыми “пацифистическими” движениями.

Сейчас глобальные Левые отпали назад в социальные форумы, которые мы должны атаковать, - потому что *на улице они потерпели поражение*.

2.

С каждым годом увеличивается давление, заставляющие всё функционировать. Из-за прогресса кибернетизации, нормальная ситуация становится всё более неотложной. И всё чаще разрастаются ситуации кризиса и неправильной работы системы. Прерывы в электроснабжении, ураганы и общественные движения - с точки зрения Империи являются одним и тем же. Это помехи. Ими надо *управлять*. На данный момент, и это является нашей слабостью, ситуации сбоев являются моментами когда Империя укрепляется, экспериментирует с новыми решениями. И как раз в эти моменты она всё сильнее привязывает себя к обществу, которое якобы спасает. Империя повсюду заявляет что посредством неё всё возвращается к нормальной ситуации. Наша задача - *сделать обитаемыми ситуации исключений*. Мы можем преуспеть в “*блокировке корпоративного общества*” только в таких обстоятельствах когда эту “блокировку” подпитывает желание, отличающееся от желания вернуться к нормальности.

То, что происходит на стачке или во время “природного бедствия” довольно таки похоже. Откладывание появляется в организованной стабильности наших

зависимостей. В этой точке существо нужды, коммунистическое существо, которое в своей сути нас связывает и отделяет, раскрывается в каждом из нас. Простынь стыда которым она в нормальной ситуации прикрыта - сбрасывается. Чувствительность неожиданных встреч, экспериментация иных отношений с миром, с другими, с собой, появляется в такие моменты и этого достаточно чтобы отбросить любые сомнения в возможности коммунизма. А также о нужде в коммунизме. Как раз тогда потребуется наша способность самоорганизовываться, наша способность через немедленную организацию, опирающуюся на наши нужды, продлить, распространить, придать эффективность этой ситуации исключения, которая всегда формировала основу государственного террора только потому что оставалась угрозой для государства. Это особенно ясно выражается по отношению к "социальным движениям". Само название "социальное движение" указывает на то что по настоящему важно что мы движемся вперёд, а не что происходит здесь. До сих пор во всех социальных движениях задача не состояла в том чтобы захватить то что находится здесь, и это объясняет почему они двигаясь друг за другом так и не становились силой, как поочерёдность волнорезов. Из-за определённой структуры, настолько не стабильной в своей общественности, что любое вовлечение выглядит не серьёзным. Из-за их неизменной драмы - быстрый взлёт благодаря шуму в сми, тогда на основе быстрого накопления, медленный и неизбежный развал; и в конце концов полностью выжитое движение, последняя горстка негибких активистов, которые получают членство в том или ином союзе, создают ту или иную ассоциацию, таким образом надеясь что смогут создать организационное продолжение своей политической вовлечённости. Но мы не ищем такой продолжительности: гарантию того что у нас будет место где встречаться и ксерокс на котором размножать трактаты. Мы ищем продолжительность которая нам после месяцев борьбы не позволит вернуться на работу, не позволит работать как прежде, которая позволит продолжать наносить ущерб. И такое можно построить только во время движений. Это вопрос о немедленном и материальном совместном пользовании, строительстве реальной революционной машины войны, создании Партии.

Мы должны, как мы уже это говорили, организовываться на основе наших нужд - суметь ответить на вопрос коллективного питания, сна, мышления, любви, создания форм, координации сил - и *воспринимать всё это как момент войны против Империи.*

3.

Империя сформирована в одновременном создании двух монополий: с одной стороны - научная монополия "объективного" описания мира и техник экспериментирования с ним; с другой стороны - религиозная монополия техник себя - методам по которым личности разрабатывают себя - это монополия к которой прямым способом относиться психоаналитическая практика. С одной стороны отношения с миром полностью освобождены от связей с собой - отношение к себе как к фрагменту мира, а с другой стороны - отношение к себе, свободное от какой-либо связи с миром - к миру как он проходит через меня. Таким образом получается что наука и религия в процессе отделения друг от друга создали пространство в котором Империя имеет полную свободу движения.

Конечно, у этих монополий есть множество нарушений, в зависимости от пространств Империи. В так называемых развитых странах религиозный дискурс утерял свою способность, наука создаёт дискурс правды, который приписывается власти чтобы формулировать само существование коллективности. И это как раз то место куда мы должны для начала внести раскол.

Вносить раскол в науку не значит атаковать её как какую-то крепость, которую надо завоевать и разрушить до основания, - это значит поднимать на поверхность дефективные линии, пронзающие её, объединяясь с теми кто подчёркивает их. Потому что таким же образом как трещины неизменно спутывают ложную плотность общественного, каждое ответвление науки создаёт поле битвы, наполненное стратегиями. Из-за того что долгое время научному обществу удавалось удерживать имидж целостной семьи, в своём большинстве единогласной в своей почтительности к законам любезности. Это даже было важное политическое действие, привязанное к существованию науки - скрывать внутренние расколы и проявлять сглаженную картинку непревзойдённых эффектов террора. Террор по отношению к внешнему - лишение правды всего что не распознаётся как научное. Террор по отношению к внутреннему - как вежливая, но резкая дисквалификация потенциальной ереси. “Многоуважаемый коллега...”

Каждая наука осуществляет серии гипотез; эти гипотезы - большое количество *решений* по созданию реальности. Это широко признаётся в наше время. Что отрицается - это *этическое значение* каждого из этих решений, каким образом они вовлекают конкретную жизненную форму, конкретный способ восприятия мира (например ощущая время существования как развёртывание “генетической программы” или радость как действие серотонина).

Понятые в таком ключе научные игры языком кажутся созданы не для общения между теми кто ими пользуется, а для исключения тех кто игнорирует их. Герметическая среда их существования - типа лабораторий, симпозиумов и так далее - несёт в себе разрыв между опытами и мирами которые они преобразовывают. Не хватает только раскрытия того как “центральные” исследования таким или иным образом связаны с военно-коммерческими интересами и как эти интересы в свою очередь определяют саму суть и направление исследований. В главной степени наука занимается имперским умиротворением, в первую очередь через произведение только тех опытов, проверки только тех гипотез, которые *совместимы* с поддерживаемой существующего порядка. Наша способность разрушить имперский порядок содержится в открытии пространства для антагонистических опытов. Нам необходимы *разъяснения*, потому что они создают свои миры; также как множество миров необходимо подавленным научным антагонизмам чтобы выразить себя.

В этом процессе практикующие старую, механическую и пастеризованную медицину должны объединиться с теми кто практикует медицину “нетрадиционную”, отбросив всю ньюэйджевскую запутанность. Привязанность к исследованию должна отбросить запутанность юридической защищённости надёжности лабораторий. Не производительные сельскохозяйственные практики должны развиваться дальше категорий “органического”. Тех кто чувствует невыносимость противоречий “общественного образования” между соревнованием в гражданстве и студиями разбросанных самодельцев - становится всё больше. “Культура” не должна держать гордость единственного изобретателя форм.

Альянсы возможны везде.

Для того чтобы стать более эффективными, разгром капиталистического оборота требует умножения расколов,
и того чтобы они уплотнялись.

Нам скажут: вас поймали в альтернативе, которая обрекает вас на тот или иной путь: или вам удастся создать угрозу империи, и в таком случае вас быстро уничтожат; или вам не удастся создать угрозу и вы опять разрушите себя.

Остаётся только держать пари на существование другого понятия, тонкого хребта, достаточно широкого чтобы нам продолжать идти. Достаточно чтобы *все те кто может слышать* могли бы идти и жить.

антагонизм - неразрешимое при данных условиях противоречие

антисубверсивные технологии - разнообразные наборы технологий мешающие проводить подрывную деятельность. Такие как анти-граффити краска, защита рекламных стендов и так далее

аутархия - политика самодостаточности, «власть одного», также форма индивидуализма, может переключаться с анархопримитивизмом, а также крайне правой политикой

барриос - самоорганизованные молодёжные группировки латиноамериканских кварталов

валоризация - повышение цены, добавление большей стоимости посредством юридических или экономических действий

государство благосостояния - политическая система, в которой каждому гражданину гарантирован достойный уровень жизни и широкий набор социальных благ: занятость, жильё, медицинская помощь, образование, пенсия и т. д. Практический идеал социал демократии

группушки - небольшие группы, отделяющиеся от определённого политического движения

Движения 2 Июня - анархическая западно берлинская группа, которая в середине семидесятых занималась прямыми нападениями и похищениями правых политиков. После распада часть участников перешла к марксистским RAF

детерриториализация - освобождение пространства от наложенных на него смыслов, предначертанного использования, подчиненность власти (скейтбордист разрушает смысл городской среды двигаясь сквозь неё если не создаёт из определённых мест скейт парк для себя)

индугенция - в католической церкви полное или частичное отпущение грехов, а также свидетельство об этом . Её можно купить или заслужить

инфильтрация - передвижение сквозь территорию, оккупированную вражескими войсками или организациями. Также техника разведки.

корреляция - степень взаимодействия, взаимосвязи и взаимозависимости

либерализм - политическая теория, основывающаяся на натуральной доброте человека, поддерживающая автономию, политические и человеческие права индивида, содержит убеждение, что отдельные личности являются основой закона и общества и что общественные институты существуют для того, чтобы способствовать наделению индивидуумов реальной властью, без заискивания перед элитами. Ключевым моментом является общественный договор, согласно которому законы издаются с согласия общества для его блага и защиты общественных норм, и каждый гражданин подчиняется этим законам. Особый акцент делается на верховенстве закона, в частности, либерализм исходит из того, что государство обладает достаточной силой для его обеспечения

негризм - критическое политическое мышление в рамках марксизма в центре которой находится идея о повсеместности и вездесущности капитализма (империи) и смерти современного государства, косвенным образом пропагандируя невозможность существования вне капитализма. Названа по фамилии политического философа Антонио Негри. Он и ввёл понятие «Империя» в круговорот критической мысли, он соавтор знаменитой книги «Империя».

неолиберализм - в отличие от либерализма, не отрицает полностью государственное регулирование экономики, рассматривает свободный рынок и неограниченную конкуренцию как основное средство обеспечения прогресса и достижения социальной справедливости, возможных прежде всего на основе экономического роста, который измеряется валовым внутренним продуктом. Человек рассматривается как свободный предприниматель, организующий собственную жизнь как предприятие, а каждое социальное взаимодействие — как контракт (акт купли-продажи). Все формы отношений, в том числе взаимоотношения работников одной компании или членов семьи, рассматриваются как виды суб-рыночной конкуренции. Согласно неолиберализму, нации и государства на мировом рынке также выступают в роли предприятий. С точки зрения философии неолиберализма, существование и функционирование рынка обладает самоценностью, независимо от его воздействия на производство товаров и услуг, а законы функционирования рыночных структур составляют фундаментальное основание этики.

нео-луддиты - современные последователи луддитов, рабочего движения в Англии начала 19 века, которые посредством саботажа боролись с индустриализацией. Неолуддизм - это неорганизованное сопротивление технологическому процессу парабобщающему природу и людей, политически пересекается с практиками анархо примитивистов.

прагматическое - то что отрицает объективность истины и признаёт только то что даёт позитивные результаты.

превентивно - предупреждающее или предохранительное действие. Например арест возможных активистов перед намеченной акцией

разрастающийся пригороды Флориды - процесс застройки близких к городам земель коттеджнообразными застройками. Флорида - особенно бедственный пример этого процесса, происходящего во всём мире. Главные эффекты этого процесса - изоляция, отчуждение и стопроцентная автомобилизация.

эгалитарность - принцип устройства общества на основе равенства, равноправия

экспроприация - принудительный захват имущества частных собственников.